

УДК 340.132.6

В.В. Оглезнев, И.П. Тарасов

**АСКРИПТИВНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО
ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ¹**

Дан семантический анализ юридических терминов. Авторы отстаивают недескриптивный характер юридической терминологии и отвечают на основные возражения против данной точки зрения. Вскрывается методологическая связь между рассматриваемой проблемой, философией языка и эпистемологией.

Ключевые слова: аналитическая философия права, аскрипция, дескрипция, Х.Л.А. Харт, Дж.Л. Остин.

Вопросы о природе языка морали, об онтологическом статусе моральных свойств и о познавательном потенциале моральных высказываний принято относить к области знания, которая, по верному замечанию Л. Фуллера, может быть обозначена как «эпистемология этики» [1]. Вызванные к жизни вполне прагматическими соображениями, эти вопросы должны формировать конкретную поведенческую стратегию индивида. Например, от ответа на вопрос, какие причины лежат в основании морального высказывания (рациональные или эмоциональные), зависит наше решение согласиться с этим высказыванием и действовать в соответствии с его предписаниями или, наоборот, отвергнуть его и сделать попытку сформировать собственное мнение. Познавательный вопрос, затрагивающий характер объективности моральных высказываний, превращается в практический вопрос доверия моральным оценкам: стоит ли верить моральным высказываниям и следовать моральным предписаниям, если основания, на которых они делаются, произвольны, недолговременны и изменчивы, т.е. если они сделаны на эмоциях и необъективны. Как, например, пишет М. Грин: «объективный характер причин, которые детерминируют действия, регулируемые нормами права, является единственным объяснением, почему эти причины существуют для каждого человека в отношении, которого эти нормы права оказались действенными» [2. С. 1924–1925]. В этом отношении эпистемология этики – это всегда желаемая в науке область пересечения теоретического и практического, демонстрирующая значимость эпистемологических и онтологических решений для поведения человека.

К данной области знания относится и менее разработанная проблема – проблема «правоприменения» или проблема взаимоотношения эмпирических фактов и норм права, для которых эти факты служат основой приложения. В частности, это анализ предполагаемого аскриптивного характера юридических понятий; аскриптивность помогает отделить их от родственных мораль-

¹ Работа выполнена в рамках государственного договора на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

ных понятий и дескриптивных терминов. Рассмотрение этого вопроса предполагает выход на более общую проблему природы рационального поведения и критериев приписывания ответственности, что служит дополнительным эвристическим стимулом для его анализа. Решение проблемы взаимоотношения норм и фактов предполагает определенную концепцию «нормативности», детерминирующую процесс, и направление, в котором происходит поиск решений [3. С. 132]. Исходная концепция, которая взята за основание в этом исследовании, указывает на особый недескриптивный характер юридических терминов, который послужит ключом к разрешению проблемы правоприменения.

Термин «недескриптивный», если исходить из простого семантического анализа приставки «не», является просто отрицанием исходного термина, от которого оно образовалось, т.е. отрицанием того, что этот термин что-то описывает или обозначает. Однако было бы ошибкой предполагать, что существуют термины, которые ничего не обозначают. Термины по своей природе должны что-то обозначать, иначе их нельзя было бы отличить от нечленораздельных звуков, которые априори не могут этого делать. Вопрос возникает не по поводу того, обозначает или не обозначает этот термин что-то, а по поводу того, как это обозначение происходит, т.е. каким образом задается семантика термина. Следовательно, недескриптивный термин должен пониматься не как термин, ничего не обозначающий, а как термин, использующий нестандартный тип обозначения по отношению к обычному и общепринятому способу задания семантики слов. Обычный, дескриптивный или, в более узком смысле, эмпирический термин предполагает семантическую связь между термином и объектом, на который он ссылается, в виде «окулярной», «зеркальной» или «картинной» метафоры. Термин описывает, отражает, формирует ментальный образ предмета или процесса, о котором он говорит. Концептуальным следствием этого взгляда является представление о том, что между термином и предметом формируется особое отношение соответствия, которое предполагает обязательное существование тех сущностей, на которые он ссылается. Мы не можем обладать термином, если не существует сущности, которая его породила, потому что тогда не было бы того, чему бы соответствовал термин. Такие дескриптивные термины всем знакомы и общеизвестны, например: «человек», «природа», «вода» и т.д. Как видно, семантический тип связи, который предполагает дескриптивное использование слов, основывается на эпистемологическом реализме или вере в то, что наше знание говорит о реально существующих вещах. В противоположность этому считается, что недескриптивный тип семантической связи основывается на определенной разновидности антиреализма, которая отрицает существование тех сущностей, на которые недескриптивные термины ссылаются (в привычном дескриптивистском понимании) [4. С. 20–23].

Однако данное определение верно лишь при первоначальном приближении и не может выявить всех эпистемологических особенностей недескриптивной семантической связи [5]. Поэтому методологически необходимым представляется провести границу между простым указанием на ложность дескриптивной связи для данного термина, т.е. отрицанием того, что этот термин обозначает какое-либо свойство или сущность, в то время как он пре-

тендует на это, например, слово «Пегас» или «кентавр»; и изначально отсутствием такой дескриптивной связи, как это предположительно существует в моральном и юридическом дискурсе (т.е. различие между *дескриптивным* и *недескриптивным*).

Удачная стратегия по выявлению специфических свойств нестандартного типа семантических связей, присущих недескриптивному типу дискурса, принадлежит Г. Харту, который тяжесть рассмотрения проблемы перенес из области метафизики – вопроса о том, на какие сущности ссылаются недескриптивные термины (и ссылаются они на них вообще), в область эпистемологии – концептуальных проблем техники определения недескриптивных терминов [6]. Данное видение проблемы имеет несколько преимуществ, во-первых, оно позволяет уловить различие между недескриптивными терминами и дескриптивными терминами с пустым объемом, которое невозможно провести исходя из метафизической точки зрения, потому что эти два типа терминов не ссылаются ни на какие объекты в привычном дескриптивном понимании. А во-вторых, процедура определения напрямую задает значения слов (что можно обнаружить в философии Нового времени, например у Дж. Локка, или еще раньше Аристотель писал, что «суть бытия» вещи или ее сущность дается нам в определение или через определение [7; 8. С. 462–494]), т.е. она устанавливает тип семантической связи для термина – таким образом, в зависимости от различных техник определения терминов будет варьироваться и тип их семантической связи. Еще один положительный момент заключается в том, что определение образует критерий использования слова, поэтому экспликация правильной техники определения недескриптивных терминов будет одновременно предоставлять критерий для применения этого типа терминов и критерий их отличия от дескриптивных терминов. Следовательно, переход от метафизики к эпистемологии позволяет решить проблему выявления особенностей недескриптивных терминов прямым путем, а не негативными определениями, которые просто отрицали изначальные характеристики, присущие дескриптивным терминам.

Харт, пытаясь доказать недескриптивный характер юридических терминов, отмечал, что практика использования юридических терминов всегда будет отклоняться от изначально предписываемых ей условий, если эти условия (и сам термин) будут определяться посредством техники, которая распространена среди дескриптивных терминов, т.е. в терминах «достаточных и необходимых условий». Сама по себе несколько туманная фраза «достаточные и необходимые условия», по всей видимости, является синонимом более привычной фразы «род и видовое отличие» (на это указывают примеры, приводимые Хартом в качестве иллюстрации, того, что он считает определением в технике «достаточных и необходимых условий» [6. С. 146–147]). Отрицая эту технику определения терминов, он вместе с этим отрицает и представление о том, что существует некий единый элемент, присущий всем ситуациям, в которых происходит применение нормы права, т.е. является для нее достаточным основанием. Данная позиция в методологическом плане приводила Харта к двум заключениям: во-первых, что юридический дискурс лишен значения истины (который он сам озвучил), а во-вторых, что у права нет сущно-

сти, т.е. достаточных и необходимых условий или неких необходимых свойств, присущих ему всегда.

А поскольку примеры из юридической практики лучшим образом могут подтвердить обоснованность некоторых выводов, поэтому Харт начинает свой анализ с предположения о существовании особого вида языковых выражений, основная функция которых состоит не в *описании* конкретных ситуаций, а в *выражении* правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение.

В юридическом языке имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, с одной стороны, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями и разъясняющих право произнесениями, с другой стороны, в отношении которых в отличие от дескриптивных предложений невозможно поставить вопрос об истинности/ложности. Харт указывает на перформативное использование некоторых аскриптивных юридических понятий. Произнося перформативное высказывание, мы совершаем некое действие, но не описываем или сообщаем о действии, следовательно, перформатив не имеет и не предполагает истинностной/ложной оценки. Согласно Дж.Л. Остину, перформатив является одновременно и действием и высказыванием, и поэтому перформативные употребления не подлежат верификации [9. С. 24–25]. Верифицируемой может быть только пропозиция, порождаемая перформативом. Поэтому пропозициональный акт включает в себя как акт референции, т.е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, так и акт предикации, т.е. приписывание свойств этим объектам. Например, суждение «Я дарю тебе эту вещь» представляет собой перформативное высказывание, произнося которое, совершается юридически значимое действие, т.е. переход права собственности на вещь от одного лица к другому. Поэтому выражение формы «Он его ударил», по Харту, означает, что некто совершил некоторое действие, которое понимается как утверждение выполнения определенных телодвижений и указывает на требование порицания или наказания за совершение этого действия. Поэтому необходимо различать ответственность за действия в совершении чего-то и ответственность на нечто сделанное, т.е. то, к чему привело совершение определенных действий. При этом следует учитывать, что приписывание ответственности нельзя смешивать с квалификацией, а аскриптивную ответственность отличать от дескриптивной [10].

Представим ситуацию: я замечаю на лице у своего собеседника комара, стараясь его избавить от страданий, связанных с последствиями укуса, я бью его по лицу, поражая цель. Эту ситуацию наблюдает третий человек, который на основании увиденного может *описать* мои действия выражением «Он его ударил», *приписывая* тем самым мне ответственность за удар по лицу. Я, конечно же, могу объяснить мои действия, ссылаясь на некие позитивные, оправдывающие мои действия обстоятельства, но с точки зрения наблюдателя мои возражения будут неэффективными и неубедительными. Но необходимо учитывать, что все зависит от того, в рамках какого типа дискурса происходит говорение. Если произнесение имеет место в повседневной речи, то оно,

по-видимому, дескриптивно, т.е. описывает некий процесс или состояние. После удара щека моего собеседника стала красной. Произнося высказывание «У тебя красная щека», я не приписываю щеке свойство «красности», но лишь *констатирую/описываю* некий факт. Другое дело, если квалификация моих действий осуществляется уполномоченным на то специальным субъектом, например судьей, который на основании предъявленных ему фактов, например свидетельских показаний (кто-то наблюдал мои действия), принимает решение в соответствии с определенными правилами. Судья *приписывает/придает* моим действиям юридическое значение через установление соотношения факта и нормы права. Поэтому задача судьи ответить на вопрос «Кто виновен?», а не «Кто его ударил?». Судья в теории Харта представляет собой некое конституирующее начало, задающее онтологические и гносеологические рамки юридического дискурса, что придает в свою очередь устойчивость семантической связи между фактом и правом и позволяет определить недескриптивность юридических понятий. В этом смысле становится очевидным, что суждения о фактах не есть одно и то же, что суждения о приписывании права и ответственности. Таким образом, с одной стороны, для интерпретации или квалификации действий достаточно восприятия наблюдаемых физических движений тела, и в таком случае произнесение *дескриптивно*, но, с другой стороны, наличие необходимых и достаточных условий не всегда достаточно (за исключением судебного решения), т.к. могут появиться некие новые обстоятельства (кто-то другой видел на лице моего собеседника комара и может оправдать мои действия), *отменяющие* характер представленного утверждения. И только в этом смысле предложения, описывающие действия, согласно Харту, *аскриптивны*, но не дескриптивны. Мы не описываем таким образом некое положение вещей, но приписываем ситуации определенный статус через анализ понятий «права» и «обязанности».

Такие высказывания, как «Это – мое», «Это – твое», «Это – его», «Это сделал я», «Это сделал он» и «Это сделал ты», обычно интерпретируются как дескриптивные или экспрессивные. Но подобная интерпретация, отмечает Харт, искажает перформативную функцию этих высказываний. Если я говорю «Это – твое» о какой-то ценной вещи, то отнюдь не описываю некое положение дел, но приписываю определенные права на эту вещь; аналогично в судебном решении «Смит виновен в убийстве жены» наблюдается соединение конкретного эмпирического факта (например, того, что он дал жене смертельную дозу яда) и юридических последствий, вызванных этим фактом. «Твое» и «Не твое» не являются дескриптивными понятиями, такими как, например, «зеленый» или «большой», но понятиями, которые могут быть отвергнуты, а не опровергнуты дополнительными фактами. Дать определение понятию «Твое», по словам Харта, возможно лишь при учете его *отменяемого* (defeasible) характера: выражение «Это – твое» представляет собой смешение физического факта твоего владения с приписыванием права, если только ты это не украл или не сделал чего-то такого, что смогло бы поставить под сомнение твое владение.

Эта идея *отменяемости* (defeasibility) понятий, по мнению Г. Харта, лучше всего иллюстрируется правовыми ситуациями. Общепринято понимать право как систему правовых понятий, таких как «договор», «причинение

вреда» и т.п., установленных законодательным органом или другим источником и определенных настолько хорошо, что судья при принятии решения просто говорит «Да» или «Нет» применительно к вопросу, соответствуют ли факты содержанию правового предписания, определяющего необходимые и достаточные условия «договора», «причинения вреда» и т.п. Но подобная интерпретация искажает реальную правовую процедуру. Невозможно, считает Г. Харт, дать определение или объяснить понятие «договор», например, определяя необходимые и достаточные условия его применения; это можно сделать, лишь перечисляя необходимые условия, учитывая имеющиеся исключения или отрицательные примеры, указывающие, где понятие не может быть применено или может быть применено в более упрощенной форме. Харт признает, что техника *per genus et differentiam* не может использоваться для объяснения многих юридических понятий, таких как «право», «ответственность», «собственность» и т.д., поскольку они являются *sui generis*, не находятся в пределах известного и понятного рода, поэтому они не могут быть обоснованно изолированы в качестве отдельных слов или выражений, которые были бы точно коррелированы с копиями в мире фактов, а затем дифференцированы от других разновидностей того же самого рода [11. С. 960–963]. Данные условия должны соблюдаться в случае использования таких понятий, как «собака» или «стул». Эти понятия не *sui generis*; понятия «животное» является родом для одного, а «мебель» – для другого, и каждый род известен и понят. Кроме того, в определённых контекстах понятия «собака» или «стул» могут использоваться изолированно от целых предложений и более или менее коррелированы с копиями в мире фактов и только тогда могут быть дифференцированы от других разновидностей того же самого рода. Применение техники определения *per genus et differentiam* для объяснения этих понятий невозможно [12. С. 86–88]. Харт пришел к выводу, что все юридические понятия непременно отменяемы; и попытка интерпретировать *отменяемость* просто как отсутствие определенных необходимых условий, т.е. есть интерпретировать все правовые высказывания как дескриптивные, неудачна, потому что она искажает логический характер способов защиты нарушенного права. Отсылка к отменяемому аспекту действия есть отсылка к правилам, которые релевантны определенным видам поведения, поскольку понятие действия является социальным понятием и логически зависит от принятых правил поведения. Таким образом, природа юридических понятий в существенной мере зависит от концепции «человеческого действия».

Каков правильный анализ понятия «человеческое действие»? Ответ Харта состоит в том, что данный анализ возможен только при правильной интерпретации употребления глагола «делать», так как использование этого глагола в настоящем и будущем времени дескриптивно, однако в прошедшем времени, как в высказывании «Это сделал он», он используется главным образом аскриптивно. Харт утверждает, что и старый, и современный анализ понятия «человеческое действие» неправилен, потому что, как и в случае с договором, пытается определить понятие через формулирование необходимых и достаточных условий его применения. Сказать, «X выполнил действие Y» с точки зрения и старого, и современного анализа, значит сказать нечто, что может

быть выражено категорическими суждениями, описывающими, соответственно, движение тела X и его психическое отношение к содеянному. Харт считает логику этого анализа ложной, потому что предполагается, что понятие «человеческое действие» может быть определено только через дескриптивные высказывания, касающиеся отдельного индивида. Поэтому дескриптивные высказывания не пригодны для анализа предложений типа «Это сделал он». Харт признал ошибочным анализ понятия человеческого действия, идентифицирующий значение недескриптивного произнесения, приписывающего ответственность, с фактическими обстоятельствами, которые подтверждают приписывание или являются его достаточными причинами. Потому что факты относятся к правовым выводам так, как суждения о фактах могут относиться к дескриптивным высказываниям, которые они подтверждают. Вневременный правовой вывод не влечет подтверждающее его высказывание о временном факте. Поэтому нельзя провести различие между суждением «Его тело столкнулось с другим телом» и «Он его ударил» без ссылки на *недескриптивное* употребление выражений, посредством которых приписывается ответственность. Описание человеческого действия не одно и то же, что описание его телодвижения или ментального фактора, побудившего к этому. В частности, А. Мэлден утверждал, что если в предложениях, описывающих действия, содержался бы дескриптивный компонент, то я мог бы знать о том, что я сделаю в любой конкретной ситуации, я должен знать, какие телодвижения будут иметь место, и это я могу знать только, наблюдая мои собственные движения. Если кто-то меня спросит «Вы знаете что Вы сделали?», то мой утвердительный ответ будет основываться на наблюдении моих собственных физических движений [13. С. 530]. Поэтому Мэлден считал, что «описание действий» есть сжатая форма, состоящая из слов, объединяющих дескриптивную и аскриптивную функции.

Однако Харт более радикален в своем подходе, отрицая физический и психологический компоненты действия, он приходит к выводу, что понятие действия существенно недескриптивно, но аскриптивно; оно представляет собой отменяемое понятие, определяемое посредством исключений, а не посредством множества необходимых и достаточных условий, физических или же психологических. Такие предложения типа «Он его ударил» не описывают, а приписывают права и ответственность. Отменяемость юридических понятий также конституировала их предписывающую/аскриптивную природу. Таким образом, свойства недескриптивности и аскриптивности в отношении юридических терминов стали пониматься как тождественные. А сам отменяемый характер юридических терминов, который доказывал их аскриптивность и недескриптивность, эксплицировался через перечисление исключений, которые должны были отсутствовать, чтобы применить определенную правовую норму [6. С. 161].

При доказывании аскриптивной природы юридических терминов Харт столкнулся с так называемой теорией «ментального фактора», когда (на примере уголовного права) достаточным условием и необходимым основанием для возникновения уголовной ответственности является наличие «умысла» и возможности «предсказания своих действий», т.е. определенной интенции, которая служила бы причиной поступков [13]. Например, в российском уго-

ловном праве данный принцип известен как принцип виновной ответственности, который гласит, что ответственность за действия определенного лица возникает только тогда, когда установлена его вина, т.е. определенное психическое отношение этого лица к этому действию: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» [15]. Это объясняется тем, что «вменение в вину деяния, общественную опасность которого лицо не предвидело и не могло предвидеть, было бы лишено справедливости и какого-либо предупредительного значения и поэтому отвергается правосудием» [16].

Таким образом, не впадая в дальнейшее изучение юридических тонкостей, теория «ментального фактора» – это теория, которая обосновывает дескриптивную природу юридических понятий и на вопрос, виновен ли тот или иной человек в определенном проступке, мы должны ответить, виновен, если обнаружим у него в поступках «умысел». А так как предложение, которое описывало бы предполагаемый умысел, говорило о существовании некоего процесса и события, то оно претендовало на статус истинного или ложного [17. С. 141, 156, 177].

Харт ответил на это затруднение, с одной стороны, раскритиковав понятие «умысла», «воли», «интенции» как туманных и трудно анализируемых, а с другой стороны, показав, что эти ментальные понятия раскрываются через перечисление конкретных физических условий, отсутствие которых гарантирует наличие этих загадочных сущностей, т.е. Харту удалось вернуть рассмотрение проблемы правоприменения из области психологии в привычную область проблем взаимоотношения фактов и норм. Также Харт справедливо отметил, что теория ментального фактора дополнительно объясняет отличие человеческого поведения от физических явлений, которые тоже происходят и от поведения животных [6. С. 160]. И в общем теория ментального фактора служила объяснением человеческого рационального поведения. В связи с этим возникал вопрос, если ментальные понятия больше не являлись основанием рационального поведения, то что могло стать таким основанием? Цена данного вопроса (который Харт не успел затронуть) достаточно высока, и от ответа на него зависит окончательное решение о признании юридического дискурса недескриптивным и рассмотрение этого вопроса дальше в рамках философии без привлечения психологии.

Г. Райл в «Понятии сознания» указал на интересный факт зависимости теории ментального фактора от того, что он обозначил «интеллектуальными способностями», т.е. от сознания, мышления и разума. Таким образом, когнитивные способности и сам процесс познания при правильной методологической интерпретации могли и не приводить к постулированию ментальной сферы событий. Используя достижения лингвистического поворота, процесс познания и его руководящие факторы можно интерпретировать, не ссылаясь на недоступные наблюдению эпизоды из внутренней жизни индивида. В этом случае познавательные способности редуцируются до способностей пользоваться языком или до способности понимать и употреблять слова в языке [18. С. 58–59], а различия «между описанием бессознательно совершенного действия и описанием физиологически сходного с ним действия, но выполненного целенаправленно, с расчетом или сноров-

кой... заключаются в отсутствии или наличии определенного рода поддающихся проверке объяснительно-предсказательных суждений» [19]. Следовательно, рациональное поведение – это поведение, для которого существует теория, описывающая его и предсказывающая его последствия, поэтому «интеллектуалистская легенда» ложна, и что когда мы описываем действие как разумное, это не влечет за собой описания двойной операции обдумывания и исполнения.

Лишением философских оснований концепции ментального фактора при объяснении человеческого поведения достигнуто методологическое преимущество в обосновании недескриптивной (аскриптивной) концепции юридического дискурса над дескриптивной концепцией. Следующим шагом в этом направлении будет замена понятия истины на альтернативный регулятивный идеал, который будет фиксировать условия приписывания ответственности на имеющемся поведенческом материале. Если исходить из отрицания значения истины у юридического дискурса, то тогда основания юридического дискурса являются конвенциональными, т.е. договорными. А сами юридические понятия, такие, например, как «виновен», не описывают внешние физические вещи, а являются описанием отношения к этим вещам, т.е. если использовать классическую юмовскую терминологию, они представляют собой выражения определенных «эмоций», которые и детерминируют их использование.

Литература

1. Фуллер Л.Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.
2. Green M.S. Legal Realism as Theory of Law // William and Mary Law Review. 2005. Vol. 46. № 6. P. 1915–2000.
3. Харп Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–137.
4. Ламберов Л.Д., Тарсов И.П. В защиту эмотивизма: дефляционизм и моральные высказывания // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2010. Т. 8, №3. С. 20–23.
5. Devitt M. The Metaphysics of Nonfactualism // Nous. 1996. Vol. 30. Supplement: 10. Metaphysics. P. 159–176.
6. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on logic and language. 1951. Vol. 7. P. 145–166.
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избранные философские произведения: В 2 т. М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1960. Т. 1.
8. Аристотель. Топика // Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 462–494.
9. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Серл. 2-е изд. М., 2010.
10. Stoljar S. Ascriptive and Prescriptive Responsibility // Mind. New Series. 1959. Vol. 68, № 271. P. 350–360.
11. Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1957. Vol. 105. P. 953–974.
12. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4(8). С. 81–89.
13. Melden A.I. Action // The Philosophical Review. 1956. Vol. 65. № 4. P. 523–541.
14. Hampshire S., Hart H.L.A. Decision, Intention and Certainty // Mind. 1958. Vol. 67. № 265. P. 1–12.
15. Ст. 5 УК РФ // КС «Гарант».

16. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации*. М.: Юрайт, 2007 // КС Гарант.
17. *Аристотель*. Метафизика // Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
18. *Тарасов И.П.* Спор вокруг функционалистского подхода: проблема инверсии спектра // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2009. №4(8). С. 51–60.
19. *Райл Г.* Понятие сознания [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.philosophy.ru/main/library/out>.